

Вообще-то Владимир Михайлович — сугубо местный, и шарыньские границы пересекает крайне редко. Разве что недавно проходила в Костроме выставка его работ. А насчет этих иноземных вейний возле его фамилии, так это все Гоголь придумал, Николай Васильевич. В "Мертвых душах", в городе N лавка была с таким завлекательным названием "Иностранец Федоров". Ясно же, что у чужеземца на Руси куда как больше шансов быть замеченным. Это гоголевское наблюдение справедливо и по сию пору — как наткнешься на тихой улочке на какой-нибудь "шоп" или "супермаркет", так и вспомнишь классика. Из искренне-

тридцать назад я попытался слепить, склеить первую картинку. А вообще впечатление об этой технике еще из детства. В Киевском музее увидел столик, подаренный на день рождения Сталину. Шестнадцать граней, шестнадцать гербов республик. Но не сами по себе они взволновали мое сердце. А то, как это сделано — вроде бы и не красками, а выразительно и ярко. Как? Чем? Меня от этого столика отрывали всей экскурсией. Прямо солнечный удар! Позднее я определил это для себя как инкрустацию, мозаику. И только потом, копаясь в журналах, книгах по искусству, нашел точное определение. Маркетри — это не наше слово, и не ремесло,

тельно — никогда и нигде мне не отказывали. Помню, как-то в Кирове на спичечной фабрике аж агрегаты остановили, чтобы не пробивать в шпоне дырок для коробков. Раскатали целый осиновый кряж. Иду я, счастливый, с этой оглоблей шпона — она у меня на остановке возьми да и развернись, а там же десятки метров! Народ вокруг обомлел: не иначе мужик фабрику ограбил. Осины мне хватило надолго. А вообще в ход идет множество пород: береза, дуб, липа, бук, ясень, красное дерево... Берем любой кусок, смотрим — в каждой линии природного узора сюжет. И дым, и лес, и облака — кому что увидится. Дерево — живой материал. Если живопис-

там на пару со своим радикалитом, освещенный солнцем.

— Самое время и место поразмышлять о том, каких жертв требует искусство.

— Так ведь и не напрасно! Церковь-то вышла — красавица.

— Сколько деталей входит в картину?

— По молодости считал для интереса. Потом перестал. Но где-то около тысячи. Когда я делал портрет одного моего хорошего знакомого, рано умершего, в подарок его вдове, только на радужку глаза ушло восемнадцать деталей. Поэтому взгляд совершенно "живой". Этот портрет в свое время, можно сказать, спас мне жизнь.

рот ручки — и из валиков вылетает новенькая десятка.

— Да уж, цыгане ко мне приходили, два пуховых платка за нее давали. Не польстился. Для этого фокуса нужны новые купюры. А они не всегда есть в наличии. Случалось, слегка заношенные стирал на нашей общежитской кухне с мылом. Потом раскладывал сушить. Соседи заглядывают: "Ты чего это делаешь?" — "Да вот, деньги изготавляю." Вообще, конечно, беспокойства от меня много: вечно я загромождаю общую кухню шпоном. Рамами. Обрезками. Но как-то меня терпят.

Понимают, что уж такой я не от мира сего.

Оно обо мне все равно не думает. И мне не до него. В разгар недавнего кризиса я спал по три часа в сутки. Но отнюдь не из-за политических переживаний. Нужно было успеть к выставке. На работе отпуск взял (я работаю в СЭС). И все равно суток не хватало. В последний день перед отъездом устроил просмотр в общежитии. Расставил все в нашем длинном коридоре — смотри-те. Народ набежал со всех этажей. "Папку зови!" — "Да папка пьяный лежит". Ну, жизнь, одно слово. Кто не лежал — тому понравилось.

— Завтра открывается выставка здесь, в краеведческом музее. Это та же экспозиция?

— Нет, она будет гораздо

"Иностранец"

ную картину можно повторить буквально, творение из дерева — никогда, потому что никогда не повторяются его цвет и оттенки.

Я вообще-то чрезвычайно люблю все яркое и красочное. Но ведь в природе нет однозначных цветов, и в дереве эта природная гармония изначально заложена. Я, может быть, красками такого бы наляпал — а дерево не дает! И это хорошо.

— На-

Вернисаж к 60-летию города

Федоров

— То есть?

— В позапрошлом году на участке за городом решил показать своему десятилетнему сыну, что такое весенний пал. Подожер сухую траву. Ветром огонь погнало на молодой сосняк. А за ним — дачные домики. Ну, думаю, прибудет меня соседи на этом пепелище. Начали тушить — ведром из речки. Мокрыми мешками. В этой битве все время тер-

— Конечно, чего стоит одно заявление на открытие выставки в Костроме: "Важнее шпона для меня в жизни ничего нет." А как же, к примеру, всякие правительственные катаклизмы?

— У меня телевизор третий год не работает. Да и вообще, нет у меня никаких политических воззрений и ни к чему они мне. Какое там правительество — какая разница.

полнее — и работ маркетри больше, и другие жанры представлены: расписные вазы, витражи. Пять лет я не выставлял свои работы, объем накопился порядочный. Хотелось бы, как всякому художнику, чтобы ее посмотрели, оценили. А можно я сам все пригляжу?

— Разумеется. "Пишит письма".

"Иностранец"

Вернисаж к 60-летию города

ную картину можно повторить буквально, творение из дерева — никогда, потому что никогда не повторяются его цвет и оттенки.

Я вообще-то чрезвычайно люблю все яркое и красочное. Но ведь в природе нет однозначных цветов, и в дереве эта природная гармония изначально заложена. Я, может быть, красками такого бы наляпал — а дерево не дает! И это хорошо.

— Насколько хорошо, что у зрителя возникает невольный конфликт между "умом и глазом". Хочется убедиться, что пушинки вербы или блики на воде, или простодушные следы валенок на талом снегу (это фрагменты из цикла "Времена года") — не прорисованы кистью, а созданы из дерева. А убедиться-то как? Только руками потрогать. Бесполезно! Гладкий лист. Как бы просто хороший рисунок.

А сами сюжеты? Первоисточник?

— Где-то — мои рисунки, где-то — фотографии. Скажем, когда я решил сделать прекрасную старинную Печенкинскую церковь, хотел увидеть ее в необычном ракурсе — не снизу, а выше, чтобы не мешала ограда, деревья. Да еще чтоб солнечные лучи на нее падали. Короче говоря, залез на крышу старой пекарни по старой же лестнице, которая предательски обломилась. Остался я

и не народное творчество, в том смысле, что повсеместно народ мозаику из дерева не складывает. Это "штучная" работа. В таком стиле работали французские мастера прошлого века. Первое время и я использовал технику Буля, со скидкой на местные условия. На плите — кастрюля со столярным клеем, я одержимо склеиваю кусочки шпона. Шпон — тончайший слой фанеры, сохраняющий природный узор и цвет дерева. Не знаю, чем отчищал свои башмаки мой французский вдохновитель, но я выходил из дому и долго шаркал тапками об асфальт. Не только подошвы — сам был весь в клее. Теперь у меня своя технология, тоже трудоемкая, но все же не настолько.

— Ну, а самый элементарный, прагматический вопрос, который вряд ли заботил того же Буля, — где взять шпон?

— Отходы мебельного производства. Что удиви-

го к нему расположения, и стал художник Федоров в товарищеском кругу именоваться по-гоголевски. Скажем, по телефону непринужденно представляется: "Вас иностранец Федоров беспокоит". Большой оригинал! Впрочем, и это знаменитое определение можно отнести к нему без особой иронии. Так оно и есть на самом деле, и цепь его жизненных увлечений — лучшее тому подтверждение. Главное, конечно, маркетри. Невероятно сложный и изысканный жанр — создание изображения из кусочков дерева разных пород: не орнаментов, не завитушек на мебели, что само по себе тоже неплохо, и заслуживает всяческой симпатии. Нет, именно картин, полноценных и полнозвучных пейзажей, тонких портретов...

— Когда Вы только начинали заниматься этим, знали ли Вы, что называется "оно" маркетри?

— Понятия не имел. Лет

Федоров

— То есть?

— В позапрошлом году на участке за городом решил показать своему десятилетнему сыну, что такое весенний пал. Поджег сухую траву. Ветром огонь погнал на молодой сосняк. А за ним — дачные домики. Ну, думаю, прибьет меня соседи на этом пепелище. Начали тушить — ведром из реки. Мокрыми мешками. В этой битве все время терзала меня мысль: "Если что со мной случится, кто доделает этот портрет, первую мою удачу?" Потушили.

— Давайте еще немного поговорим о других "оригинальных жанрах", в которых тоже силен Федоров.

— Давно-давно таковым была цветная фотография, которую осваивал первым в городе. Потом всерьез увлекся геральдикой, изучал справочники, книги. Создал герб Шарьи и Шарьинского района, а недавно — и Нейского. Освоил шелкографию. Делал множество гипсовых форм для сувенирных пряников по мотивам народных сказок. Правда, они так и не востребованы. Недавно работал над значками к юбилею Северной дороги и родного города.

— А фокусы?

— О, это целая эпоха. Чемоданы самодельного реквизита.

— Самый эффектный фокус — с деньгами. В машинку закладывается чистый листочек бумаги. По-

— Конечно, чего стоит одно заявление на открытие выставки в Костроме: "Важнее шпона для меня в жизни ничего нет." А как же, к примеру, всякие правительственные катаклизмы?

— У меня телевизор третий год не работает. Да и вообще, нет у меня никаких политических воззрений и ни к чему они мне. Какое там правительство — какая разница.

полнее — и работ маркетри больше, и другие жанры представлены: расписные вазы, витражи. Пять лет я не выставлял свои работы, объем накопился порядочный. Хотелось бы, как всякому художнику, чтобы ее посмотрели, оценили. А можно я сам всех приглашу?

— Разумеется. "Пишите письма".

Уважаемые ирриники и гости города!

Выходите на некоторое время в эти дни и заботы и посетите краеведческий музей, где завтра откроется выставка моих работ, посвященная юбилею города.

Давно мы с вами не встречались, и надеюсь, что эта встреча вас не разочарует.

В. Федоров

Ирина СЕМЕНОВА.